

Глава I

Если вы думаете, что вашего возвращения кто-то ждёт с распростёртыми объятиями, убедитесь, что в этих объятиях вас не придушат.

Темница, в которую меня заточили, выглядела достаточно устрашающе и зловеще.

— Насколько я знаю, её построила легендарная императрица Тхаммарат, — важно вещал Ла-гуа, ползая по стенам. — Темница должна была стать самым страшным кошмаром для её врагов.

— Короче, как градостроитель... она не очень, — мрачно заметила я. — Нет чтобы построить там больницу или школу.

— Школу убийц она тоже построила! — радостно отозвался Ла-гуа.

М-да. Что-то у меня нет желания дальше узнавать об архитектурных талантах Тхаммарат.

Стены, не побоюсь этого слова, величественные, были из чёрного базальта и поднимались высоко над головой, образуя тёмные своды, которые,

казалось, поглощали свет. Вдоль стен тянулись ряды медных факелов, их мерцающее пламя отбрасывало длинные тени, игравшие на неровной поверхности камня. Эти тени казались живыми, они шевелились и извивались, словно змеи, готовые в любой момент броситься на меня.

Фу. Какая мерзость.

Пол был выложен холодными и гладкими плитами, и каждый мой шаг, пока вели в камеру, отзывался гулким эхом, уходящим в бесконечные коридоры темницы. Здесь было жутко тихо, и единственные звуки, которые можно было услышать, — это моё собственное дыхание и приглушённые стоны других узников. Воздух был тяжёлым и пропитанным влажностью, с примесью неприятного запаха гнили и плесени.

Конечно, радовало, что хоть не жарко. Сомнительная радость, конечно, но хоть какая.

Моя крошечная камера, втиснутая между двумя другими, была едва ли больше гроба. Просторного гроба, только вот от этого не легче. Решётка на двери из чёрного железа с замысловатыми узорами, изображавшими сцены из тайской мифологии — точнее, исанской, — была настолько тяжёлой, что казалось, её невозможно сдвинуть с места. В углу камеры стояла деревянная койка, очень низкая и узкая, на ней едва можно было лежать, не говоря уже о том, чтобы нормально спать. Но хоть не сухая трава. Кажется, и правда мне достались вип-апартаменты.

На стенах были выцарапаны старые знаки и символы, оставленные предыдущими узниками,

чьей судьбы... О ком мы точно ничего не узнаем. Внимательно присмотревшись, я заметила среди них символы, принадлежащие древним духам, призванные, вероятно, для защиты или проклятия. Только какая уж тут защита, когда ты сидишь в тюрьме?

Эти знаки напоминали мне о том, что даже в самых безысходных местах всегда есть следы надежды и сопротивления. Надо же, какая поддержка.

Я провела рукой по шершавой поверхности стены, ощущая прохладу камня. В этих холодных стенах было нечто древнее и первобытное, что заставляло кровь стынуть в жилах.

— Не слишком приятное место, — вздохнула я.

— Кому сейчас легко? — философски заметил Ла-гуа.

— Например, Танхве, который усадил свою задницу на трон.

— Да, это неприятно, — согласился Ла-гуа.

Каждое утро начиналось с едва заметного луча света, пробивавшегося сквозь крошечное окошко под самым потолком. Этот луч был моей единственной связью с внешним миром, напоминанием о том, что жизнь за этими стенами всё же существует. Я старалась сохранять хладнокровие, вспоминая уроки мастера Шайи, который учил меня искать свет даже в самой глубокой тьме. Ну или в другом месте, которое звучит не столь благородно.

Еду приносили молчаливые стражники, лица которых скрывали массивные шлемы. Они не обменивались со мной ни словом, просто ставили

деревянную миску с вязкой, безвкусной похлёбкой и кувшин с мутной водой на пол у двери. Этот момент был единственным, когда я видела человеческие лица, пусть и скрытые за металлическими забралами.

Надо отметить, охранники не грубили и вообще старались отводить взгляд. Ощущение, что им было неловко.

Не рады Танхве? Или же просто не знают, как быть?

Кстати, на следующий день меня так и не казнили. Почему — разумеется, никто мне не докладывал.

Об этом я решила подумать потом, когда выберусь. Сейчас было важнее обрести внутреннюю гармонию и понять, как отсюда сбежать. Ла-гуа пока просчитывал ходы. Мой маленький лотос тоже был не всесилен.

Каждое утро я начинала с медитации, сидя на холодных каменных плитах, скрестив ноги и закрыв глаза. Вдыхала и выдыхала медленно и глубоко, позволяя своему разуму очиститься от страха и беспокойства. Мастер Шайя учил меня, что спокойный разум — это первый шаг к победе. В этой темнице, среди звуков капающей воды и стонов других узников, я строила свою внутреннюю крепость.

Моя камера располагалась так, что я не могла никого увидеть, а жаль.

После медитации я приступала к физическим упражнениям. Места было мало, но я находила способы использовать его по максимуму. Начина-

ла с растяжки, стараясь держать мышцы в тону-се и гибкими. Я вытягивала ноги вперёд, касаясь кончиков пальцев ног, затем поднимала их вверх, стараясь коснуться потолка. Эти упражнения помогали сохранять гибкость, столь необходимую для того, чтобы не превратиться в бревно.

Наверное, будь тут Киет, с которым Сойлинг успела согрешить, мог бы что-то прокомментировать по этому поводу, но сейчас приходилось довольствоваться только собственным одиночеством.

Кстати, что он там? Пришлось ли спешно бежать или же поддержал Танхву?

В такие моменты я морщилась. Неприятное развитие событий, но отбрасывать его никак нельзя.

Затем я переходила к силовым тренировкам. Отжимания на кулаках на холодном каменном полу укрепляли руки и плечи. Я делала несколько подходов, каждый раз увеличивая количество повторений. После отжиманий переходила к приседаниям, держа руки перед собой и опускаясь как можно ниже. Даже в этой тесной камере можно было найти способы держать своё тело в боевой форме.

Когда мышцы разогревались, приступала к боевым искусствам. Тренировки в ограниченном пространстве требовали креативности. Я представляла себе невидимого противника с физиономией папаша, который нападал на меня со всех сторон. Мои руки и ноги двигались быстро и точно, отбивая удары, наносимые воображаемыми врагами. Комбинации ударов и блоков, которые

я отработывала, помогали поддерживать рефлекс и скорость.

Под конец тренировки воображаемая рожа Танхвы была разукрашена во все цвета, на которые только можно рассчитывать.

Я также уделяла время работе над балансом и координацией. Вставала на одну ногу, вытягивая другую назад, и медленно поднимала руки, представляя себя на краю скалы, где любой неверный шаг мог привести к падению. Эти упражнения помогали мне оставаться сосредоточенной и контролировать своё тело в любой ситуации.

Иногда, когда силы начинали покидать меня, я напоминала себе о целях, ради которых тренируюсь. Я представляла, как освобождаюсь из темницы и призываю всех к ответу... Ладно, просто раздаю им таких люлей, что вмиг из головы вылетают все желания отнимать то, что им никогда не принадлежало.

Эти мысли придавали мне сил и помогали преодолеть усталость.

Кроме тела, я также тренировала ум. Вспоминала тактики и стратегии, которые изучала у мастера Шайи. Порой восстанавливала в памяти карты и планы дворца, представляя возможные пути побега. Иногда рисовала эти планы на стене камнем, найденным на полу, чтобы как-то визуализировать свои идеи.

Откровенно говоря, получалась полная чушь. Но я не теряла надежды.

Вечером, перед тем как погрузиться в сон, я снова медитировала, успокаивая разум и гото-

ваясь к следующему дню. Моя тренировка в темнице была не просто способом сохранить форму, но и сохранить надежду.

Однажды, когда я уже заканчивала свои утренние упражнения, тишину темницы нарушил шум, доносившийся из коридора. Гулкие шаги и приглушённые голоса стражников становились всё громче. Я встала и подошла к двери своей камеры, пытаюсь разглядеть, что происходит. Вскоре я увидела странное зрелище.

Несколько стражников с трудом удерживали пленника с ярко-красной кожей. Его чёрные волосы были взлохмачены и падали на лицо, скрывая выражение глаз, но по движениям и напряжённым мышцам было видно, что он в ярости. Пленник сопротивлялся с невероятной силой, и стражники едва удерживали его, используя все свои силы. Казалось, что вот-вот он вырвется из их хватки и обрушит на них всю свою мощь.

— Держите его крепче! — крикнул один из стражников, явно старший по званию. — Этот демон не должен сбежать!

Демон? Ого, это что-то новенькое.

Пленник с рычанием метнулся в сторону, и одного из стражников отбросило в стену. Он ударился головой и потерял сознание. Остальные стражники окружили пленника, пытаюсь скрутить его руки за спиной, но он вырывался, словно дикий зверь.

Я наблюдала за этой сценой, понимая, что передо мной не обычный узник. Его красная кожа и нечеловеческая сила указывали на то, что от него

стоит держаться подальше. Однако как-то же его поймали...

Я сглотнула. Шесть стражников едва справляются с ним. Не хочется думать, что демоны все такие. Тогда шансы на победу у людей как-то стремительно тают. Возможно, он всё же не рядовой демон?

Присмотревшись, я увидела запёкшуюся кровь у него на боку. Ещё и ранен.

Наконец один из стражников достал короткий жезл, украшенный странными символами, и ткнул пленника в бок. Тот вскрикнул и, казалось, на мгновение потерял сознание, ослабив сопротивление. Стражники быстро надели на него массивные кандалы, сковавшие его руки и ноги. Пленник упал на колени, тяжело дыша, но его глаза всё ещё горели ненавистью и яростью.

— Ведите его в самую дальнюю камеру, — приказал старший стражник. — И удвойте охрану.

Стражники, осторожно поднимая пленника, потащили его по коридору, проходя мимо моей камеры. Я успела на мгновение встретиться с ним взглядом. В этих глазах была смесь боли, ярости и... удивления? Не ожидал увидеть? Или же тут дело в чём-то другом?

Когда пленника затолкали в дальнюю камеру и закрыли за ним тяжёлую железную дверь, я нахмурилась.

Стражники прошли мимо, снова не глядя на меня. Ещё бы. Пусть и пленная императрица, но сейчас стала свидетельницей, что воины Исан не такие уж сильные, как принято вещать на каждом углу.

Так что... выходит, демоны сильнее драконов?

Задумавшись, я отошла и плюхнулась на кровать. Кажется, у меня обнаружился пробел в сравнительной характеристике сил обеих рас. Правда, её нигде и не было.

Интересно, это намеренно? Или же есть какая-то цель?

Как назло, Ла-гуа уполз в окно на разведку, спросить было не у кого.

Ну это ничего! Только вернись, блудный лотос.

Глава 2.

Но он не спешил. Я сидела на холодном каменном полу темницы, скрестив ноги и выпрямив спину. Время тянулось, как смола, медленно и мучительно. Чтобы не сойти с ума от ожидания и сохранить ясность разума, лучше заняться медитацией. Это было моё единственное спасение от темноты и тишины, а также способ продолжать совершенствовать пхланг. Жаль, что её тут не применить.

Много раз я уже думала о том, чтобы обратиться за помощью к Солнцеглазу, но всё время что-то останавливало. Такое впечатление, что это испытание, которое я непременно должна пройти сама. И тогда будет какая-то божественная плюшка. Ошибаюсь ли я? Кто знает. Но когда станет совсем не вмоготу или всё же придёт палач — тогда точно придётся взывать к богу. А пока что справляюсь.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на своём дыхании. Глубокий вдох, медленный выдох. С ка-

ждым вдохом я впускала в себя остатки свежего воздуха, проникавшего сквозь крошечные отверстия в стенах. С каждым выдохом я отпускала страхи и сомнения, которые накопились в моей душе. Мой разум постепенно очищался, мысли становились яснее.

Я представила себе голубую реку энергии, текущую через моё тело. Эта река была воплощением моей пхланг. Я позволила этой энергии течь свободно, наполняя каждую клетку моего тела, каждую мысль и каждый уголок моего сознания.

Сосредоточив внимание на середине своего лба, где индийские женщины рисовали красную метку, я начала внутренне повторять мантру, которой научил меня мастер Шайя: «Сила внутри — мир вокруг».

С каждым повторением я чувствовала, как напряжение уходит, а моя внутренняя сила возрастает. Мантра помогала мне соединиться с источником пхланг, скрытым в глубинах моего тела.

Последнее время я вспоминала, что Сойлинг родилась слабой, но у неё был уникальный дар защитницы. Это был один из факторов, который повлиял на решение Вонграта жениться.

Интересно, как выглядит хорошо развитая сила защитницы?

Опять вопросы без ответов.

Вокруг меня была тьма, но внутри я видела свет. Этот свет исходил из моей души и разливался по всему телу, словно опалово-аквамариновый светильник, освещающий путь даже в самой не-